

ЭКОНОМИКА

УДК 338.2

В. И. Пефтиев

Либеральный этатизм в России: контуры феномена

В статье обоснована авторская гипотеза о дуалистической природе экономической политики современной России.

Ключевые слова: либеральный этатизм, экономическая политика, государственно-частное предпринимательство (ГЧП), корпоративная интеграция, конфликтно-компромиссные отношения власти и бизнеса, П. Б. Струве.

V. I. Peftiev

Liberal Etatism in Russia: Contours of the Phenomenon

In the article the author's hypothesis of the dualistic nature of the economic policy of modern Russia is proved.

Keywords: liberal etatism, economic policy, state-private business (SPB), corporate integration, conflict and compromise relations of the authority and business, P. B. Struve.

Quid quid agit, prudenter agas et recipie finem.

Что бы ты ни делал, поступай рассудительно и смотри,
к чему приведут твои поступки [5]

Пройдено двадцатилетие рыночных преобразований в России. Налицо историческая дистанция между турбулентными событиями начала 90-х гг. прошлого века и текущим моментом, своеобразным и во многом переломным. У сегодняшней России имеется окно возможностей (до 3–5 лет) для структурных реформ, возрождения страны, повышения благосостояния ее граждан и укрепления международных позиций. Таков прогноз б. министра экономического развития России *А. Белоусова*. Мы чуть позже вернемся к этому сюжету. Нас пока интересует другое – итог (разумеется, предварительный и с оговорками) процесса трансформации экономики и общества в постсоветской России. Нами выдвигается гипотеза о том, что российская модель рыночной экономики (не во всем развитой и не без рецидивов «дикого» капитализма пройденной Западом эпохи первоначального накопления капитала) представляет собой вариант «гибрида» либерализма и *этатизма*. Коль скоро столкновение концепций и политических страстей вокруг происходящего в России не утихает, то авторская интерпретация нуждается во всесторонней и взвешенной аргументации.

Дуалистическая природа тех или иных общественных феноменов, доктрин и персональных позиций (в первую очередь в экономике и политике) не является чем-то необычным, исключительным. Более того, полагаем, что дуализм является неоспоримым свидетельством *переходности*, возможной *многовекторности* развития. Идея сращивания двух полярных начал присутствовала не единожды и по разным поводам в интеллектуальном наследии *А. С. Пушкина*, *П. А. Вяземского*, *Б. Н. Чичерина* и других мыслителей России (неординарных, «чужих» для своего окружения). Эту идею защищал и пропагандировал на протяжении всей своей многогранной научно-политической и издательской деятельности *Петр Бернгардович Струве* (1870–1944). Наиболее плодотворно он разрабатывал этот тезис в газете «Возрождение» и других изданиях (с 1925 г.). В дальнейшем мы ссылаемся на «Дневник политика» (1925–1935).

П. Б. Струве периода эмиграции идентифицировал себя как *либерал-консерватор*. Для него звание либерала означало сохранение свободы лица, а быть консерватором – значит признавать власть и государство как положительные и регулирующие начала, выступать за поддержание законности и порядка. Свобода трактовалась им как *законное* самоопределение лица, основанное на уважении не только своих, но и *чужих* прав. Органическая связь свободы и порядка воспри-

нималась им как императив: «Как без свободы лица невозможна крепость современного государства, так и без крепости государства нет все-народного единства, невозможна свобода лица» (1933). Быть либералом-консерватором означало также и наличие смелости у политика-реформатора порвать партийные путы, догматы идеологии, идти вперед на оправданные компромиссы. П. Б. Струве отличался способностью признавать свои и чужие ошибки, справедливо полагая, что никакая историческая ошибка не может наперед считаться неисправимой [6].

Сочетание либерализма и консерватизма в истории России XIX в. дало импульс великим реформам. П. Б. Струве ссылается на отмену крепостного права (1861): «В дело освобождения крестьянства впряглись одинаково и горячие западники, и пламенные славянофилы». Судебную реформу 1864 г. осуществляли и консерваторы, и либералы той эпохи. Либеральные тенденции проявлялись и в законотворческой деятельности М. М. Сперанского, деятеля 40-х гг. XIX в. К глубокому сожалению, кадеты и их лидер П. Н. Миллюков не воспользовались потенциалом идей и установлений Манифеста 17 октября 1905 г. Нынешняя оппозиция в России, видимо, не знает уроков революции 1905–1906 гг. и февраля 1917 г. Вдумайтесь в меткую самооценку П. Б. Струве: «В России не повезло ни либералам, ни консерваторам. Мы являем собой *недорослей* в либерализме и *перезревших старых дев* в социализме (1925)» [7].

П. Б. Струве дает нам ценные указания относительно того, как добиться согласия теории и эмпирики, какой тип ученого наиболее востребован в эпоху реформ. Его ответ нетривиален: *ученый-чиновник*, он не менее эрудирован, чем представитель академической науки, но обладает способностью организовать и осуществлять назревшие преобразования. К этой редчайшей разновидности ученых-чиновников П. Б. Струве отнес таких ныне забытых деятелей, как Г. П. Небольсин, И. Я. Горлов, А. И. Чивилев, И. В. Вернадский, А. П. Заболотский-Десятовский, Н. Х. Бунге, К. С. Веселовский, Е. И. Ламанский, В. П. Безобразов. Похвалы П. Б. Струве заслужили замечательные бюрократы: К. К. Грот (акцизная реформа, 1863–1869 гг.), С. Ю. Витте (винная монополия, 1894–1898 гг. и денежная реформа, 1897 г.), А. А. Абаза и Н. Х. Бунге (министр финансов), их преемники. Они не «болели» российским недугом – беспечностью – и умели оценивать свои и чужие силы, обладали определенной дерзостью. Им были свойственны уважение к традициям и готовность к переменам [8].

Либеральный этатизм имеет место там и тогда, где и когда неизбежные конфликты интересов разрешаются компромиссами. Государство ждет от бизнеса своевременного и полного выполнения налоговых обязательств, содействия занятости, притока инвестиций. В обмен бизнес рассчитывает на достаточную прибыль, ощутимые выгоды, предоставление налоговых и иных льгот. Интересы каждого полюса в дуополии подвижны и со временем подлежат пересмотру. Не забудем также, что бизнес и государство сложны по составу агентов и потенциалу воздействия на принятие того или иного решения. В экономике всегда найдутся сферы деятельности, нуждающиеся в государственной регистрации и государственном регулировании. И, напротив, немало таких, где присутствие государства неуместно, обременительно, без пользы для общества. Компромиссу препятствуют *эгоизм* (порок бизнеса) и *произвол* (изъян государства); может отсутствовать воля или умение достигать взаимных уступок. Компромиссы могут восприниматься болезненно (одними как победа, другими как поражение). Бизнес изобретателен по части схем уклонения от уплаты налогов, проведения многоходовых операций по уводу активов от национальной юрисдикции, страхования рисков (деривативы, хедж-фонды, секьюритизация). Надзорные органы государства часто запаздывают с обнаружением теневого бизнеса (особенно в банковской сфере и страховании), обновляющего то здесь, то там свои ухищрения ради получения сверхдоходов от нелегитимных сделок.

Нахождение оптимального равновесия интересов государства и бизнеса – задача не из легких в экономической политике для любой страны (развитой или развивающейся, крупной, средней и малой). Об этом свидетельствуют превратности опыта США, ЕС и России по опознанию причин и минимизации последствий глобального кризиса 2008–2009 гг., кризиса многоликого и затяжного, неординарной природы. К заботам антикризисной политики наслаиваются доктринальные претензии на лидерство: что и как делать? Одни ученые оспаривают конец неолиберализма: мейнстрим еще удерживает прочные позиции не только в университетах, но и в администрации президента США, руководстве ФРС и ТНК. Левые силы (пока рассеянные, но растущие на фоне всеобщих тягот) возвещают о возрождении социального государства эпохи массового потребления (60-е гг. XX в.) и сколачивают антиглобалистский альянс, надеясь на поддержку группы БРИКС, включая и Россию [10]. Перед лицом глобального кризиса обнаружилось исчерпание

прагматического потенциала инструментов монетаризма и неокейнсианства. В США маневры денежной массой, процентными ставками (ниже инфляции и доходности по депозитам) обеспечивают пока лишь вялое оживление деловой активности (например, на рынке недвижимости). В Евросоюзе безработица побивает все прежние рекорды (потерянным поколением становятся безработные, только что окончившие школу или вуз), рецессия и даже депрессия (рост ВВП на десятые доли процента) стали повседневностью. Европейские банкиры, движимые инстинктом самосохранения и выживания, готовы развалить зону евро, оставив в ней только «твердое ядро» (Германия, Франция, Бенилюкс, Австрия) [3]. Угроза рецессии нависла и над Россией.

Россия с наименьшими потерями выбралась из трясин глобального кризиса, но не нашла новой модели развития. По ведущим макроэкономическим показателям провальным оказался первый квартал 2013 г. Виной тому не только и не столько внешние факторы, сколько структурные диспропорции и системные изъяны экономической политики. Такая интерпретация происходящего официально признана руководством России. Но не удается достичь согласия по основным пунктам антикризисного плана действий среди министров и приглашенных экспертов. Бремя ответственности за выбор окончательного решения берет на себя Президент России. Наиболее спорные решения касаются расходов на армию и безопасность, социальные обязательства, поддержание финансовой стабильности, внебюджетные и стабилизационные фонды, процентные ставки, поддержка малого и среднего бизнеса, ЖКХ и социальное жилье [9]. Обостряются и воспроизводственные проблемы: избыточное укрепление рубля; рост процентных ставок по кредитам для фирм и населения; разгон средней заработной платы (реальной и в сравнении с производительностью труда); степень загрузки производственных мощностей (плюсы и минусы по отраслям и регионам); норма накопления (не параметр управления, а результат функционирования экономики); взвешенная защита отечественных производителей в рамках ВТО; мало конкурентоспособных рыночных агентств («чемпионов»). Следует отметить, что этот перечень не исчерпывающий.

Авторский мониторинг конкретных предложений и прагматичных рекомендаций ученых и аналитиков подводит к нижеследующим выводам по будущим фрагментам обновленной стратегии России до 2020 г.

Эрозия социально-рыночного хозяйства в Евросоюзе необратима; нечто подобное произойдет и в России. Волей-неволей придется умерить социальные обязательства на ближайшие два-три года пределами бюджетных возможностей России и дальше двигаться выборочно и постепенно до выхода на параметры экономического роста порядка 5–6 %. В сфере социально-экономического реформирования полезны, на наш взгляд, достижения и упущения канцлеров ФРГ Г. Шредера и А. Меркель.

Не беремся судить относительно объема и структуры оборонного заказа, численности армии, ее структуры и вооружения, а также направлений модернизации оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Бизнес воспрянет духом и приступит к инвестициям при существенном улучшении делового климата, особенно по таким слагаемым, как выделение земельных участков, подключение к энергосетям, «длинные кредиты», дерегулирование отдельных видов хозяйственной деятельности, страховые взносы, а также таможенное и налоговое администрирование и др. Представительные организации МСБ сформулировали свое видение «дорожной карты» – дело за властями.

Либерализация российской экономики получит мощный импульс по мере снятия перекосов в государственном секторе, в первую очередь по государственным корпорациям (особые статусы, монополизм, запредельные вознаграждения для топ-менеджеров, игнорирование правил и нормативов МСФО, Базель III). Надлежит ускорить приватизацию миноритарных пакетов акций (до 25 %), реорганизацию государственных унитарных предприятий (ГУП), переход на самофинансирование моногородов и др. Следует решиться и на такую «непопулярную» меру, как «точечная» приватизация хронически нерентабельных предприятий и производств в депрессивных регионах. Безнадёжно бездоходная промышленность останется анахронизмом в XXI в., унаследованным от плановой экономики. В связи с этим напомним предостережения П. Б. Струве относительно судьбы Советской России и ее методов хозяйства даже на пике НЭПа (1926): «многоголовая и абсолютно непроизводительная государственность» [7].

Государство и бизнес могут найти точки соприкосновения интересов (вместе и параллельно) в сфере транспорта и инфраструктуры. Последняя многоотраслевая, что обостряет проблему выбора проектов (жилье, дороги, ЖКХ, АПК, социальная инфраструктура). Инфраструктурное проектирование – слабое звено в рыночном механизме Рос-

сии: дефицит профессионалов, рискованная (в юридическом и инвестиционном плане) конструкция, требующая времени и усилий на организацию надежного взаимодействия [1].

Настала очередь и для совместной промышленной политики, которая может быть вариативной: для одних отраслей – максимизация экспорта, для других – потребности внутреннего рынка, обеспечение занятости, особенно в трудодефицитных регионах, для третьих отраслей – приоритет модернизации. Промышленная политика возможна на любом уровне управления (страна, регион, города и поселения), но везде обязательно с учетом будущих потребностей («на вырост»).

И завершает список неотложных мер по выходу на траекторию ускоренного развития стимулирование несырьевого экспорта. Эта мера обсуждалась не единожды, и принимались многократно декларации о намерениях, но сдвиг пока не получается.

Новую модель развития России в контексте либерального этатизма должны разрабатывать и осуществлять новые реформаторы, видимо, третьей волны с мощным зарядом креативности, конкурентоспособности в международном масштабе.

Мы не надеемся, что либеральный этатизм сразу и бесповоротно избежит асимметрии (кто главный: государство или бизнес). Но сближение позиций государства и бизнеса возможно и необходимо в режиме постоянного диалога и поиска приемлемых компромиссов.

И здесь пригодятся наработки (позитивные и без значимого эффекта), полученные за два десятилетия государственно-частного партнерства (ГЧП).

Альянс двух мощных сил (государство и капитал) имеет глубокие, прочные и давние корни в экономике и политике. Особо богат на иллюстрации XX век, выдвинувший на их систематизацию и обобщении теорию империализма и государственно-монополистического капитализма. Об этих переменах рассуждали как марксисты, так и ученые без помыслов о революции. К рубежу XX–XXI вв. капиталистический мир воспринимается как пространство *конфликтно-компромиссных* отношений труда и капитала. Об *антагонизме* (то есть непримиримых противоречиях) по традиции говорят и пишут неомарксисты, да и то без указания сроков гибели капитализма и уточнения носителей революционного преобразования современного общества. Факты и примеры (успешные и неудачные) совместных акций и проектов государства и частного не сходят со страниц де-

ловой печати. Без ссылки на ГЧП теряет свою основательность концепция *смешанной экономики* (по-другому – социально-рыночного хозяйства и другие аналоги) как четвертого типа хозяйства после традиционной, плановой (командно-административной, централизованной регулируемой) и рыночной экономик.

Однако скепсис в отношении ГЧП не исчезает и подпитывается издержками и проблемами его функционирования. Одни указывают на несовпадение интересов бизнеса и власти: первому необходима прибыль и выгода во что бы то ни стало, вторая (власть) должна отвечать за экономическую эффективность и социальную значимость совместных проектов и программ. К этому добавляют и другие дисфункции – рост транзакционных издержек (ТАИ), слабости корпоративного управления (сокрытие информации, нецелевое использование, коррупцию, вывод капитала за офшоры), а также неприязненное отношение части населения к приватизации как таковой [2]. Другие расширяют перечень оснований для критической оценки опыта (ГЧП) в развивающихся странах. Доводы серьезные, требуют детального профессионального разбора. Следует согласиться, что не везде и не всегда неэффективность государственного предпринимательства (она очевидна, хотя и бывают отрадные исключения в России) является решающим аргументом в пользу приватизации и дальнейшего сотрудничества с новым собственником. Переход к ГЧП может сопровождаться временной дезорганизацией, отвлечением ресурсов на новые цели, перераспределением собственности и доходов и проч. [4]. Иными словами, категоричные «да» и «нет» неприменимы к такому необычному феномену, как ГЧП, тем более в России. Окончательная оценка должна быть «привязана» к конкретному проекту, месту и времени и после сравнительного анализа приобретений и потерь. Раздельно для государства и капитала.

ГЧП можно рассматривать как вариант *корпоративной интеграции*. И выбор формы ГЧП не лишен своих сложностей. Первичная фаза ГЧП начинается с передачи государственной собственности (частичной, в виде пакета акций и/или в совладение) под контроль капитала (российского и иностранного). Форма приватизации (денационализации) неоднозначна для участников сделки, может вызвать непредвиденные последствия (со знаком плюс и минус). В России практикуются: а) продажа всего пакета акций на фондовых площадках; б) поиск стратегического инвестора; в) дополнительная эмиссия; д) контрактная (сетевая) интеграция, без изменения

организационно-правового статуса и с использованием госзаказа, аутсорсинга, НИР и др.

Примером *продажи государственного пакета акций* является выкуп части акций «Сбербанка» [7, 8]. Каждая подобная операция происходит через процедуры согласования интересов федерального держателя пакета акций (Банк России) и потенциальных покупателей (рассеянных по фракциям и регионам делового сообщества), определения места, даты, стартовой цены и консультантов первичного размещения акций. В дальнейшем – непредсказуемые изменения в составе акционеров. По «Сбербанку» соответствующие гарантии предусмотрены.

Поиск стратегического инвестора предпочтителен для важных объектов инфраструктуры (например, порты) и подотраслей промышленности, нуждающихся в модернизации и совершенствовании корпоративного управления. Зачастую такие объекты обременены долгами, не имеют выхода на рынки сбыта. В подобных ситуациях новый собственник (акционер, соинвестор) претендует на определенную премию (дисконт) с текущей капитализации или настаивает на независимой оценке стоимости компании, предварительной инвентаризации активов и пассивов. Запуск этих и других процедур происходит, как правило, после одобрения плана приватизации высшими надзорными органами (президентские и правительственные комиссии и оформление в виде Указов президента и постановлений Правительства).

Решение о дополнительной эмиссии акций обычно принимается после анализа текущей конъюнктуры и прогнозов на обозримое будущее (до 2–3 лет), когда исчерпаны внутренние и внешние источники увеличения собственного капитала, из-за ухудшения нормативных индикаторов, вследствие внутрикорпоративных конфликтов между учредителями, мажоритариями и миноритариями в надежде на незамедлительное финансирование новых направлений бизнес-деятельности (продуктовая диверсификация, новые поставщики и клиенты, внедрение технологических новинок и пр.). К «разводнению» акций (с негативной реакцией некоторых учредителей, владельцев контрольных и блокирующих пакетов акций вплоть до выхода из акционерного общества) следует предвидеть и дополнительные риски, вытекающие из непредсказуемости рынков, контрагентов и прочих слагаемых рыночного позиционирования.

Таким образом, каждая форма государственно-частного партнерства предполагает творческий подход и перманентный мониторинг проис-

ходящего внутри совместного предприятия, между дочерними фирмами и по остальным направлениям сотрудничества.

Штрихи к феномену «либеральный этатизм», очерченные в этих концептуальных заметках, являются одновременно и резюме книг последней пятилетки (2009–2013), и заявкой на последующее развитие изложенных здесь доводов и наблюдений.

Библиографический список

1. Ваньков, А., Сиваков, Д. Пошли купаться в голубом океане [Текст] / А. Ваньков, Д. Сиваков // Эксперт. – 2013, 29 апреля–12 мая. – № 17–18. – С. 36–43.
2. Иванов, С. А. Государственно-частное партнерство как составная часть государственной поддержки сельского хозяйства [Текст] / С. А. Иванов // Экономические науки. – 2012. – № 10. – С. 46–51.
3. Оганян, А. Еврозона: спасти нельзя, разваливать [Текст] / А. Оганян // Международная жизнь. – 2013, апрель. – С. 112–117.
4. Полтерович, В. М. Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 1. Приватизация: проблемы эффективности [Текст] / В. М. Полтерович // Экон. наука совр. России. – 2012. – № 4 (59). – С. 7–23.
5. Стих Горацио вырезался на перстнях выпускников училища правоведения (Петербург. См.: Струве, П. Б. Дневник политика (1925–1935). – М.: Рус. Путь; Париж: YMCA – press, 2004. – С. 22.
6. Струве, П. Б. Указ. соч. – С. 8, 9, 555 и др.
7. Струве, П. Б. Указ. соч. – С. 26, 74–75, 84–85 и др.
8. Струве, П. Б. Указ. соч. – С. 126–127.

Bibliograficheskij spisok

1. Van'kov, A., Sivakov, D. Poshli kupat'sya v golubom okeane [Tekst] / A. Van'kov, D. Sivakov // EHkspert. – 2013, 29 aprelya–12 maya. – № 17–18. – S. 36–43.
2. Ivanov, S. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak sostavnaya chast' gosudarstvennoj podderzhki sel'skogo khozyajstva [Tekst] / S. A. Ivanov // EHkonomicheskie nauki. – 2012. – № 10. – S. 46–51.
3. Oganyan, A. Evrozona: spasti nel'zya, razvalivat' [Tekst] / A. Oganyan // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2013, aprel'. – S. 112–117.
4. Polterovich, V. M. Privatizatsiya i ratsional'naya struktura sobstvennosti. CHast' 1. Privatizatsiya: problemy ehffektivnosti [Tekst] / V. M. Polterovich // EHkon. nauka sovr. Rossii. – 2012. – № 4 (59). – S. 7–23.
5. Stikh Goratsio vyrezalsya na perstnyakh vypusknikov uchilishha pravovedeniya (Peterburg. Sm.: Struve, P. B. Dnevnik politika (1925–1935). – M.: Rus. Put'; Parizh: YMCA – press, 2004. – S. 22.
6. Struve, P. B. Ukaz. soch. – S. 8, 9, 555 i dr.
7. Struve, P. B. Ukaz. soch. – S. 26, 74–75, 84–85 i dr.
8. Struve, P. B. Ukaz. soch. – S. 126–127.